

Алёна Задонская
Сердце

https://litres.ru/74783697
SelfPub; 2026

Аннотация

Что такое человеческое сердце? Для кардиохирурга Андрея Воронцова — это просто сложный насос, подчиняющийся законам биомеханики. Его собственный брак давно перешел в состояние клинической смерти, а жизнь измеряется графиками ЭКГ и успешными операциями.

Но когда в его отделение поступает Лиза Громова — молодая художница, чье сердце превращается в дряблый мешок, а в груди жужжит механический протез, — законы физики перестают работать.

Между врачом и пациенткой вспыхивает связь, нарушающая все протоколы медицинской этики. Это не просто страсть. Это резонанс двух одиноких людей, пытающихся выжить в стерильном аду реанимации. Андрей готов сломать систему, рискнуть карьерой и свободой, чтобы пересадить Лизе донорское сердце. Но сможет ли он сам пережить эту операцию, не потеряв себя?

Алёна Задонская
Сердце

СЕРДЦЕ

роман

Пролог. Электрическая ось

За год до того, как её сердце начало превращаться в дряблый, бесполезный мешок, Лиза Громова была влюблена в прямые углы. Её муж, Марк, был архитектором-неофутуристом, и их квартира на двадцатом этаже напоминала безупречный чертёж, залитый холодным светом. Стекло, бетон, стерильная пустота. Лиза, художница, рисующая светом, чувствовала себя там экспонатом. Но это была их общая, красивая игра.

Марк не был сухарём. Он был визионером. Он мог часами рассказывать ей, как свет преломляется в гранях стеклянного фасада, и Лиза смотрела на него с обожанием, видя в нём создателя миров. Они были идеальной парой из архитектурного журнала: он — структура, она — душа.

Диагноз — идиопатическая дилатационная кардиомиопатия — прозвучал как приговор чертежу. Здание дало трещину по фундаменту.

Марк любил её отчаянно, но любил так, как инженер любит сложный механизм. Когда механизм начал сбоить, он искал ошибку в расчётах. Когда расчёты показали фатальный

сбой, он закрылся на переучёт. Он привык строить на века, а его собственный фундамент крошился на глазах — влажно, с глухим хлюпом.

Интерлюдия. Стекло и провода

Лиза лежала дома, ещё до больницы, но уже с кардиовертером-дефибриллятором под кожей. Марк старался вести себя как обычно: раскладывал на столе распечатки фасадов, чертил карандашом, будто от толщины линии зависело, удержится ли конструкция. Лиза смотрела на эти линии и вдруг поняла: они не держат. Они просто очерчивают пустоту.

Она встала, подошла к окну, где стекло дрожало от ветра. Приложила ладонь к стеклу — хотела почувствовать вибрацию здания. И в этот момент под кожей зазвенел кардиовертер: аритмия. Марк подскочил, схватил телефон, искал номер кардиолога, который им дали на всякий случай. Его движения были резкими, механическими.

— Всё нормально, — тихо сказала Лиза, хотя ей было страшно. — Это просто ветер.

— Это не ветер, — ответил он, не глядя на неё. — Это ошибка в расчётах.

— А если это не ошибка? Если это и есть звук моей жизни?

Он замер и впервые за неделю посмотрел ей в глаза. И там не было ответа. Только вопрос.

Часть первая. Асистолия

Октябрь в НИИ имени Бакулева пахнет озоном, холодным кафелем, усталостью, спиртом и чуть-чуть — так и не доеденной едой из столовой. Андрей Воронцов знает этот запах наизусть. Для него это запах ответственности.

Андрею тридцать восемь. Его лицо состоит из резких теней, а под глазами залегли синяки. Он женат на Алисе, но их брак умер от клинической депрессии. Для Андрея человеческое сердце — это просто насос. Жалость мешает шитью.

В его мир врывается Лиза Громова. Ей двадцать восемь, и она похожа на сбитую птицу. У неё копна рыжих волос и идиопатическая дилатационная кардиомиопатия.

После приступа фибрилляции желудочков, когда Андрей ломает ей ребро, делая непрямой массаж сердца, их взгляды встречаются на долю секунды. В её глазах нет страха смерти. В них — чёрная, тяжёлая тоска человека, которого предали не уходом, а беспомощностью.

На обходе он задерживается дольше положенного.

— Как жужжит? — спрашивает он, поправляя датчик сатурации.

— Как блендер, в котором пытаются перемолоть гранит, — слабо улыбается она. — Муж говорит, что это мешает ему спать. Он архитектор, для него любой неритмичный звук — это строительный дефект.

— Передайте мужу, что если он не научится спать под шум мотора, он рискует однажды проснуться вдовцом, — жёстко говорит Андрей. — Сейчас ваш единственный брак

— с этим аппаратом. И я — его свидетель.

Лиза впервые чувствует, как по щеке течёт горячая слеза. Не от боли. От того, что её не испугались.

В ординаторской он листает историю болезни Лизы. Не потому, что не помнит, а потому, что ищет зацепку: может, там есть что-то, что он упустил. Тогда он замечает пометку от терапевта: «Пациентка рисует схемы на полях». Он улыбается. Улыбка выходит горькой.

Когда он заходит к Лизе, она лежит с закрытыми глазами, но пальцы её шевелятся, словно рисуют невидимые линии. Он останавливается у двери, смотрит на неё, и впервые чувствует, что перед ним не просто «насос», а человек, который пытается удержать мир, чертя линии на пустом листе.

— Вы опять считаете пульс по стенам? — говорит он, чтобы нарушить тишину.

— Нет, — шепчет она, не открывая глаз. — Я строю лестницу. Чтобы не упасть вниз.

Андрей делает шаг вперёд, останавливается у изголовья. Его движения отработаны до автоматизма. Но внутри всё не так гладко.

«Она строит лестницу из воздуха. Ни опоры, ни фундамента — просто линии, и она по ним идёт. Это не симптоматика, это попытка не рассыпаться. И я поймал себя на желании достроить её вместе с ней — не капельницей, не таблеткой, а ступенькой: «Держи, вот ещё одна». Нельзя. Пока я протокол — я работаю. Стану человеком, который

подаёт руку, — не смогу потом отпустить. А отпускать придётся: не всех можно спасти. Но она не статистика. Она — человек, который слишком долго стоял на краю и теперь чертит себе путь обратно. Карандашом по воздуху.»

Он откашливается, пряча неловкость за профессиональной интонацией.

— Ладно, лестницу пока отложим. Давайте проверим, сколько ступеней вы реально можете пройти. Сатурация у вас на грани.

— Я не хочу проверять ступени, — слабо улыбается Лиза, приоткрывая глаза. — Я хочу проверить, можно ли построить лестницу прямо здесь, в этой палате. Чтобы она вела не наружу, а куда-нибудь… где тихо, но не мертво.

— Тихо, но не мертво, — повторяет Андрей, будто пробуя фразу на вкус. — Это как синусовый ритм без аритмии. Стабильно, но с жизнью внутри.

— Вот именно, — кивает Лиза. — А сейчас у меня там сплошной шум. Белый, липкий.

— Мы его приглушим, — говорит Андрей, сам удивляясь, что говорит «мы», а не «я назначу терапию». — Постепенно. Сначала снизим амплитуду. Потом найдём основной тон.

Лиза смотрит на него чуть внимательнее, чем положено пациентке.

— Вы говорите как дирижёр, а не как кардиолог.

— Иногда приходится быть и тем, и другим, — пожимает плечами Андрей, делая пометку в карте. — Главное, чтобы

оркестр не разошёлся по разным темпам.

Часть вторая. Скрытый канал

Сначала Лиза замечает в Андрее только руки. Не лицо, не голос, не его резкую, почти колючую манеру говорить. Только руки — спокойные, точные, без суеты. Когда он меняет флакон с физраствором, когда поправляет датчик, когда на секунду задерживает пальцы на её запястье — не для измерения пульса, а чтобы убедиться, что он есть.

В её мире всё стало слишком громким и одновременно слишком пустым: писк мониторов, скрип тележки, голоса медсестёр доносятся как сквозь вату. А его руки — тишина.

— Вы всегда так сосредоточенно всё делаете? — спрашивает она как-то, когда он уже собирается выйти.

— Иначе нельзя, — коротко отвечает он, не оборачиваясь. — В моей работе ошибка — это не помарка карандашом.

— А если карандаш — это я? — вдруг говорит она, сама удивившись собственной дерзости. — Я ведь тоже всё время рисую. Линии, схемы. Пытаюсь удержать равновесие.

Он наконец поворачивается. В его взгляде нет жалости — только внимание. Настоящее, тяжёлое: он действительно слушает её, а не ждёт, когда она закончит, чтобы поставить галочку в карте.

— Тогда я буду смотреть, чтобы ваш карандаш не сломался, — говорит он и выходит.

Лиза долго смотрит на дверь, за которой он исчез. И впер-

вые ей не хочется зажмуриться и сделать вид, что ничего не происходит. Ей хочется, чтобы он вернулся. Просто чтобы снова услышать этот сухой, профессиональный тон, который почему-то звучит как «ты не одна».

Лизу переводят из реанимации в отдельную палату. Марк приходит каждый день. Он приносит чертежи новых зданий и рассказывает ей о нагрузках на перекрытия, пока она лежит под капельницей. Он пытается построить для неё мост обратно в нормальную жизнь.

Но Лиза смотрит не на чертежи. Она смотрит на руки, которые меняют ей капельницу.

Андрей заходит к ней дважды в день. По протоколу — не должен. Но протоколы не учитывают гравитацию.

Их общение начинается с физики. Лиза, чтобы не сойти с ума, рисует в блокноте схемы.

— Закон Ома, — говорит она однажды. — Сила тока прямо пропорциональна напряжению. Моё напряжение — это страх, что батарейки сядут. Вы — моё сопротивление, доктор. Вы гасите ток паники.

— Я просто подбираю дозировку, — отвечает Андрей, но схему из её блокнота незаметно фотографирует на телефон.

Потом, когда в палате становится тише, а коридор пустеет, Андрей задерживается на минуту дольше.

— Знаете, что самое сложное в кардиологии? — спрашивает он, присаживаясь на край стула, словно просто зашёл поболтать, а не делать обход.

— Что?

— Научить сердце, что сбой — не приговор и не правда. Оно ведь как упрямый ребёнок: если ритм сбился, оно цепляется за ошибку, будто это единственная правда, которую оно знает.

— Значит, вы не просто чините насос, — усмехается Лиза. — Вы уговариваете его поверить в себя.

— Именно. Только без сантиментов. Сантименты — это аритмогенный фактор.

— Тогда давайте договоримся: никаких сантиментов. Только физика, схемы и немного упрямого оптимизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.